

Во Франции третий месяц продолжается русский театральный сезон, главными событиями которого стали гастроли Театра на Таганке и петербургского Малого драматического театра.

7 марта открывается новая страница: на сцене театра «Амандье» в парижском пригороде Нантер состоится премьера спектакля «Чехов. Акт III». Его поставили Анастасия Вертинская и Александр Калягин с французскими актерами созданной ими Чеховской школы.

— Наша с Калягиным мечта — создать чеховскую школу в России — не осуществилась, — говорит Анастасия Вертинская, — ибо организационная сторона этого мероприятия стоит больших денег, которых нам сейчас не найти. Школа, в сущности, — это Калягин и я. Мы начали преподавать в Оксфорде в Британско-американской академии. Затем преподавали в Швейцарии в Европейской киношколе. И вот теперь у нас контракт с Францией.

Тут с финансовой базой все в порядке — французы все берут на себя: снимают помещение, оплачивают труд актеров и т. д. Отобрали 13 актеров, которые участвуют в этой постановке. Каждый из них играет по три роли в этом спектакле. В общей сложности мы работали над спектаклем полгода.

— Почему вы ставите только третий акт из чеховских пьес «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад», а не целиком — ту или иную?

— Чехова очень много ставят во Франции, и сюда приезжает много гастролеров с его спектаклями. Поэтому просто снова ставить Антона Павловича нам показалось недостаточным, а идея показать три третьих акта нас давно волновала. Дело в том, что по композиции именно эти акты у Чехова самые кульминационные, экспрессивные, критические. И, собрав их в один спектакль, мы получили некий образ времени, в котором мы живем сейчас. Время разлома, распада, раскола, крушения.

— Станиславский, говорят, относился к французским актерам весьма критически, а Антон

тепло бы нам помочь, но это опять-таки вопрос финансов.

— Как же распределяются роли в творческом тандеме Вертинская — Калягин!

— Мы являем собой забавный союз. Как режиссер-мужчина Саша лучше ощущает мужские характеры, а я — женские... Все идет спонтанно, когда кто-то из нас устает, теряет нить, второй приходит на помощь. Поэтому мы

ремыв, Волчек... Это не прошло бесследно.

К себе я отношусь очень критически. Если не получится режиссура, то от меня никуда не уйдет моя профессия.

— В одном из интервью вы заявили, что в теперешнем МХАТе вам нечего делать.

— Я действительно не собираюсь туда возвращаться. Но если бы была возможность участвовать

с Полиныным» по Симонову, «Безымянную звезду». Из театральных — роли в «Тартюфе», который был поставлен Эфросом, в «Живом трупе», в «Дяде Ване», роль Нины Заречной в «Чайке».

— Ваша последняя роль в кино — Маргарита в «Мастере и Маргарите»!

— Эту картину хотели снять многие, но до цели смог дойти только режиссер Кара. Мне нра-

сторан «У Людмилы», который сейчас, кажется, закрылся, где всегда пели Вертинского. Во Франции у него много поклонников. Но думаю, что не осталось в живых никого из тех, кто знал моего отца...

Когда он вернулся в конце 1943 года в Россию, ему не разрешали записываться профессионально. Отец от этого безумно страдал. Все записи того периода

Анастасия ВЕРТИНСКАЯ: ЕСЛИ ИЗ МЕНЯ НЕ ПОЛУЧИТСЯ РЕЖИССЕР, ОСТАНУСЬ АКТРИСОЙ

Павлович по поводу чуть ли не самой Сары Бернар, кажется, заметил: техника — потрясающая, а души — никакой...

— Станиславский был очень требовательный человек, и я не знаю, кто угодил бы ему теперь не только во французском, но и в нашем театре. Но у него была фантастическая привилегия — возможность уезжать с актерами, вживаться в ситуацию. Он приобщал актера к природе, заставлял много наблюдать. У французоз такой возможности нет. Они перепрыгивают из одной работы в другую — это типичная жизнь в коммерческом театре. Поэтому для них стало большой радостью то, что мы могли в классе заниматься русской душой. Они имели время подумать, поразмышлять.

— Чем вы собираетесь заниматься после премьеры в Нантере!

— Спектакль будет идти месяц. Что станет потом, мы не знаем. Мечтали привезти его в Россию, и наше Министерство культуры хо-

похожи на какое-то двуглавое существо, у которого одна голова может отдохнуть, а другая работает.

— Случаются ли у вас конфликты!

— Конечно. Мы ругаемся, иногда даже несдержанно. Но конфликты всегда завершаются победой дружки народов.

— Вы, кажется, окончательно переходите к режиссуре. Что вас толкнуло на этот путь!

— Может быть, я всегда больше тяготела к ней, чем к актерству. Свои роли я выстраивала для себя по-режиссерски. Теперь у меня фантазия разыгралась — хочу поставить еще одну пьесу.

— Какую же!

— Это страшная тайна...

— В чем специфика режиссуры Вертинской!

— Мое преимущество заключается в том, что я успела получить потрясающую школу. Работала и в кинематографе, и на сцене с замечательными режиссерами. Козинцев, Бондарчук, Эфрос, Еф-

в каком-то интересном проекте, я бы не отказалась... В России, я полагаю, будет постепенно осуществляться театральная реформа. Нам никуда не деться от антрепризного, контрактного театра.

— То есть вы считаете, что постоянные труппы распадутся!

— Если и не распадутся, то им будет очень сложно существовать. Театральная реформа — естественный и закономерный процесс. Иначе при нынешней политической ситуации из России все бегут. Как только появляется талантливый режиссер — он уже во Франции.

— Какие из ваших прошлых ролей вам кажутся наиболее значительными!

— Отсчет своему пребыванию на экране я веду с фильма «Гамлет», а не со своих первых двух картин — «Алые паруса» и «Человек-амфибия», которые отношу к периоду бессознательного творчества. Люблю весь свой классический репертуар — «Войну и мир», «Анну Каренину», а также «Слу-

вится, что он сделал ее с русскими актерами: Гафт играет Воланда, Ульянов — Понтия Пилата, Виктор Раков из Ленкома — Мастера, Филипенко — Коровина, Павлов — Бегемота.

— А картина получилась? Это ведь одна из любимых в России книг...

— Я, к сожалению, картину, которая должна выйти весной, не видела. Знаю, что она очень понравилась Шнитке, который пишет к ней музыку. Про себя могу сказать только одно: я очень похожа на Маргариту. Бывают роли, которые хочется трактовать по-своему, а эту роль не хотелось.

— Недавно во Франции вышел двойной компакт-диск с песнями Александра Вертинского, который готовился с вашим участием и для которого вы написали вступительную статью. Сохранились ли Париж вашего отца? Живы ли люди, которые его знали!

— Еще недавно существовали кабаре, в которых он пел. Был ре-

— любительские, которые распространялись нелегально. Когда я слушала в детстве эти пленки, был слышен и кашель, и реакция зала. Теперь голос отца очищен и отреставрирован компьютером. И то, что они вышли во Франции, — это знак того, что Вертинский принадлежит не только российской культуре, но и европейской.

— Следите ли вы из Парижа за тем, что происходит сейчас дома? Не тянет ли вас самой участвовать в политической борьбе!

— Безумно переживаю, нервничаю, слезу за тем, что происходит в России. Но в политическую жизнь я никогда не буду ввязываться...

Хочется надеяться, что наш спектакль понравится публике во Франции. Этот спектакль очень многое для меня значит. Он сделан с такой болью за то, что происходит в России, за то, что происходит там с нами.

ПАРИЖ.

